

“Называйте меня просто - ЛЮБИМЫЙ”

— Эта пьеса о человеке, который хочет себя реализовать, реализовать свои творческие и деловые потенциалы. Например, он хорошо писал стихи и для себя решил, что напишет 900 законченных форм и бросит писать. Добиваясь чего-то в одной области, он затем переходит в другую. Он не хочет размываться на что-то одно, его цель — пройти все интеллектуальные логические формы. И проходит их. Но по ходу своей жизни, пытаясь что-то доказать миру, он так или иначе задевает разных людей, и однажды доводит человека до самоубийства, просто сказав ему правду о нем.

И вот в смятении чувств Максимилиан заходит на трансформаторную будку и стоит там несколько недель, ожидая трансцендентного озарения, ожидая, когда прилетят ангелы. Но ангелы не прилетают. Происходит другое: он возвращается к нормальной жизни, он больше ничего не хочет постигать, он становится взрослым. По сути дела “Максимилиан-столпник” — это символ утверждения спокойствия буржуазной жизни: налаженного быта, семьи, работы. Для меня в этой пьесе есть несколько знаковых моментов: первое — существующая информационная революция, когда человек уже не может сосредоточиться на одной науке, на одном информационном источнике, на одной трактовке событий: средства массовой информации знакомят человека абсолютно со всем, мы не можем локализовать свое внимание на какой-то одной области жизни. А второе — это то, что нынешнее смутное время приводит человека к страстному желанию покоя, и мы, делая этот спектакль, идем на утверждение “мещанского”, хотя, наверное, многие будут нас за это осуждать.

— Вас — это кого?

— Я говорю о своих коллегах и друзьях — Мише Ефремове, Жене Добровольской, Жене Митте, Феде Бондарчуке, Викторе Герасименко, Юре Разумовском, Анатолии Воропаеве — нас очень много, это люди, с которыми я общаюсь всю свою сознательную жизнь.

— Кстати, о сознательной жизни. Когда-то ты сказал, что в тридцать лет возьмешься за ум, станешь положительным, серьезным. Получается?

— Не в полной мере. Я женился (хотя, когда я обещал жениться в тридцать, это было, скорее, словоблудием, но так получилось, что Бог услышал меня). Куда-то отодвинулся рок-н-ролл. Я перестал путешествовать на мотоцикле.

— Кто-то из критиков сказал, что ты до сих пор пробуешь себя в разных областях искусства и до сих пор не состоялся ни в одной из них. Ты с этим согласен?

— По большому счету, можно сказать, что я никогда не состою ни в какой отрасли, я отдаю себе отчет, что все, что делаю, — далеко от идеала, идеал недостижим и слава Богу. И не знаю, кто состоялся. Сказать, например, что Андрей Тарковский состоялся, мне кажется, нельзя. Я разделяю мнение, что он гениален, но мне, например, хотелось бы узнать его не только до того возраста, в котором он умер, но и позже — а он миновал эти возрастные диапазоны.

— Недавно на экраны вышел фильм по твоему сценарию “Кризис среднего возраста”, что в этой вещи было главным для тебя?

— Здесь примерно та же тематика, те же возрастные категории, что и в “Максимилиане”. Основная мысль сценария такая: если раньше люди устраивались на работу по распределению от института, или техникума, или университета, и работали там всю жизнь, то сейчас трудоустраиваются по двум параметрам: либо интересам (и работают на энтузиазме за копейки — что, однако, уважительно), либо конкретно за деньги. Если раньше дружили по месту жительства, по общим знакомым, то сейчас дружат по людям, которым помогают. И выбор профессии и выбор своих людей в жизни стал гораздо серьезнее, нет уже той инерции, что была раньше.

А сюжет прост: один врач поссорился со своей женой, приехал из Питера в Москву, работает на “скорой помощи”, и знакомится с разными людьми: с генера-

Каждые двадцать минут его наручные часы подают сигнал: он поставил их на таймер и говорит, что хочет чувствовать время. “Я хочу щупать это время, хотя бы каждые двадцать минут я хочу вспоминать, что живу”, — так он говорит. Жизнь ему нравится, он любит быть в ней — не как умиротворенный созерцатель, а как главное действующее лицо, и в цене не скупится: в шесть утра — на ногах, с восьми — работает, работа для него — все.

Сфера интересов Ивана Охлобыстина универсальна: режиссер, актер, сценарист, ведущий телепрограмм. Все, за что он берется, у него получается. С этого и начиналось: за курсовые работы во ВГИКе “Разрушитель волн” и “Чушь, или Рассказ ни о чем” — призы на фестивалях в Чикаго, Потсдаме, Праге, за роль в фильме “Нога” — приз за лучшую мужскую роль на Кинотавре-92, за фильм “Арбитр” — приз на фестивале “Вторая премьера”. Он автор многих сценариев (часть из них уже реализована: “Меня зовут Клеопатра”, “Хаос”, “Урод”, “Мусорщики”, “Генрих”, “Черное пиво Портер”, “Мытарь”, “Параграф 78”, “Сакраментальная баллада”. В прошлом году состоялся его театральный дебют: по его пьесе во МХАТе имени Чехова был поставлен спектакль “Злодейка, или Крик дельфина”, ставший открытием сезона. А в начале наступающего театрального сезона зритель увидит новый спектакль “Максимилиан-столпник”.

лом — коммунистом-фанатиком, но хорошим, цельным человеком; с сумасшедшей женщиной, которая потеряла своего ребенка, но периодически представляет его живым; с художником, который следует прочитанному в книгах о безумствах художников, хотя на самом деле он “чаевник” — большой добрый человек, любящий пить чай с баранками, и упитанных девчонок. Так, работая, встречаясь с разными людьми, врач становится настоящим специалистом и цельным человеком, у него пропадает юношеская рефлексия, депрессия. Эта вещь — в стиле такого коммунистического рейха со светлым, идеологически мощным финалом. Наверное, этот фильм хорошо был принят в семидесятых, его бы не показали, но он бы всем понравился.

— Кстати, об идеологии — твоя симпатия к Александру Лебедю — это не шутка?

— Абсолютно нет. Дело в том, что я — монархист, но монархист не по принципу

дамской истеричности: у меня нет колбасы, и поэтому надо царя. Я не верю, что управлять страной может организация, государственный механизм, я верю в государственный организм, а организм предполагает человека во главе. Мне кажется, что и монархия, и демократия, и социализм на разных исторических этапах могут давать в сфере политики и экономики одни и те же результаты, но в плане построения общества, в плане духовности и исторической целесообразности лучше — именно монархизм. “Партия” — это аморфно, она может утверждать любые идеалы, а состоять из бандитов.

Для меня “Демократический выбор России” или “Партия “Яблоко” — пустой звук, то, что они утверждают, за секунду может преобразоваться в противоположное. Не “преобразовывается” только отдельно взятый человек, политик. Но политиков у нас в стране нет. Мне не нравится Ельцин, я не понимаю его, то

есть, я понимаю, что он крепкий, здоровый мужик, но кроме физиологической его крепости я не вижу ни одного положительного момента. Мне не нравится Гайдар, о Жириновском — вообще вопросов нет, я как мыслящий человек отрицаю даже самую возможность обсуждения этого. Был Лебедь — я понимаю, что он не политик, он — военный, и, как шишка сосновая, он мне понятен со всех сторон и тем не менее он мне симпатичен, он человек, реально осознающий, где находится, и поэтому я выбирал его, мне хотелось человека, потому что привязанности к идее у меня нет, идея у нас одна — православие.

— Ты сейчас говоришь о православии как единой идее, а в твоей “Виртуальной версии”, опубликованной в журнале “ОМ”, совершенно не по-библейски определяется мир и роль людей в нем.

— На мой взгляд, это очень смешная теория. Я работал с ребятами-компьютерщиками из одной фирмы, и они попросили меня сделать такую имитацию философии виртуальной реальности (у Запада есть “символ технологии”, а у нас чтобы был “символ философии”). Я взял всех субъективных идеалистов, смоделировал общую суть этого направления, и там так получалось, что человек оказывается в таком мире, психологическую установку на который он вырабатывал всю жизнь. Я сделал эту работу, отдал ее. Но тогда же столкнулся с писаниями наших святых отцов (до этого я никогда не интересовался православием, меня увлекали индуистские вещи, я долго занимался йогой), погрузившись в эти писания, я стал понимать, что православие — океан, включающий в себя все, что содержится в других религиях, только это еще бескомпромисснее, еще острее. Так или иначе мы все от чего-то зависим, один — раб семьи, другой — работы, третий — пьянства, но люди верующие — рабы только Бога, верующий человек истинно свободен. Я сейчас очень жадно чувствую жизнь, раньше я жил по инерции, а теперь мне нравится сам процесс жизни.

— Театр, кино, компьютерные версии. Где еще можно найти следы деятельности Ивана Охлобыстина?

— На телевидении делаем большую программу с Видеоинтернешнл — около пятидесяти серий. Называется “Ночной клуб “Барракуда”, и я активно сотрудничаю с программой “Канона”, передачей “Ортодокс”, посвященной православной церкви. Печатаюсь в журнале “Столица”. Последнее, что я сделал, переработал для цирка “Аэлиту” Толстого. Ее будет ставить Валентин Гнеушев, он хочет сделать нечто вроде спектакля, а не традиционное цирковое представление. Мне кажется, это очень разумно, поскольку цирк — по детскому восприятию — что-то фантастическое, и “Аэлита” в этом смысле очень подходит.

— Ты сейчас один из самых известных людей, символ современного молодого искусства. Слава тебе нравится?

— Конкретизация меня всегда пугала.

— А как же твои пышные самотитулы: Роскошный и прочее?

— Это не более, чем возможность не чувствовать себя глупо. Например, я приходил куда-то, выходил на сцену, и меня представляли: “Вот Ванечка, вот сыграл эту роль...” Я и говорил: “Да называйте меня просто: любимый”. Я не являюсь для себя идеалом ни в чем, я не люблю себя в ролях, когда показывают фильм с моим участием, я, конечно, не жмусь, но и не разглядываю своего героя, смотрю на себя и на то, что делаю, так: лишь бы не опозориться.

— Есть у тебя нереализованные желания, цели?

— Мне ничего не интересно. Я самый скучный человек на свете. Просто я не верю, что человек надолго может “зависать” на чем-то одном. Наверное, хотел бы больше работать, я безумно уважаю фанатиков, всегда вспоминаю “Понедельник начинается в субботу” Стругацких — такая деятельность по мне. Хотя, надо реально осознавать, что работать еще больше невозможно, надо что-то отдавать семье.

Беседовала Наталья БОНДАРЕНКО

Экран и сцена
— с. 7.